

12+

Виктор КОРОЛЕВ

**Шляпа
камер-юнкера**

Виктор Королев
Шляпа камер-юнкера

Издательство «Союз писателей»

2016

УДК 82-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Королев В. В.

Шляпа камер-юнкера / В. В. Королев — Издательство «Союз писателей», 2016

ISBN 978-5-00073-412-4

Замечательно сказал древнегреческий философ Платон: «Любить – это значит прикасаться к тайне. Но прикоснуться – это не означает постичь её». Великого русского поэта Александра Пушкина нельзя не любить. И прикоснуться к его многогранному таланту и жизни, полной тайн, каждому можно и нужно. Но это совсем не значит, что кто-то способен до конца постичь все тайны и загадки этого гения. Так что каждая история, каждый день немного приоткрывают нам нового Пушкина...

УДК 82-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-412-4

© Королев В. В., 2016
© Издательство «Союз писателей», 2016

Содержание

Шляпа камер-юнкера	5
Александр Пушкин	5
Софья Салтыкова	7
Петр Каховский	8
Антон Дельвиг	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктор Владимирович Королев

Шляпа камер-юнкера

Шляпа камер-юнкера

Александр Пушкин

В самый первый день 1834 года Александр Пушкин записал в своем дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове...» Понятное дело, что новое звание не вызвало никакой радости у поэта. В дневнике через несколько дней появляется еще одна запись: «Был бал у графа Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его».

Тут стоит сказать, что в подобных случаях было принято благодарить и кланяться. Поэт решил промолчать, что в свете могло расцениваться как неподобающая дерзость.

А сам мундир был красив. Камер-юнкер Его Величества Государя Императора носил мундир темно-зеленого цвета с красными обшлагами и красным же воротником. Золотое шитье, кисти, свисающие по бокам, и специальные пуговицы придавали новому мундиру роскошный вид. Ноги – в суконных белых панталонах, под коленями собранных, а ниже – белые чулки и черные лакированные башмаки.

По специальному указу царя «Описание формы одежды чинам гражданского ведомства и правила ношения сей формы» камер-юнкеры, не состоящие в чине и должности 5-го класса, «золотого галуна на фуражке не имеют, но императорская корона им присволяется; корона вышивается, отступя на 1/3 вершка от околыша, над кокардою». Если добавить эту шляпу с золотой короной и белым плюмажем, то как раз и получится камер-юнкер Александр Пушкин во всем блеске придворного дресс-кода.

Жаль, что нет прижизненных портретов поэта в полной парадной форме. О картине художника Н. Ульянова «А. С. Пушкин и И. Н. Пушкина на придворном балу перед зеркалом» нет смысла говорить: шляпы мы там не увидим. А без головного убора – какой же мундир?!

Надевать новый мундир Пушкину очень не хотелось. В письме от 12 января 1834 года мать Пушкина Надежда Осиповна пишет дочери Ольге: «Знаешь ты, что Александр – камер-юнкер, к большому удовольствию Натали. Она будет представлена ко двору, вот она и на всех балах. Александр весьма озабочен, этот год ему хотелось побереечь средства и уехать в деревню».

Камер-юнкерский мундир обязывает поэта являться чуть ли не на все официальные приемы и церемонии. Пушкин пишет жене в мае того же года: «Плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да зажить баринком». Однако жена его об этом и не помышляет. Не для того она цветет розовым кустом, чтобы заточить себя в глуши.

Красивый мундир камер-юнкера с каждым месяцем становится все более тесным и неудобным для поэта. То и дело Пушкин старается увильнуть от мероприятий, где он должен непременно быть в мундире. Вот широко и пышно празднуется совершеннолетие и присяга наследника, будущего императора Александра II. Следует запись поэта в дневнике: «Нынче Великий князь присягал, я не был на церемонии, потому что рапортуюсь больным». Не явился поэт и на блистательный бал в доме Нарышкина, данный по этому поводу.

В марте 1834 года был большой бал у жены австрийского посланника Дарьи Федоровны Фикельмон. Пушкин решил не идти и на этот бал, несмотря на приглашение, ибо все мужчины

должны были явиться в мундирах. В ноябре этого же года Пушкин выехал из Петербурга за пять дней до открытия Александровской колонны, «чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами».

Мундир стал и причиной дополнительных расходов на экипажи и выезды, на новые модные платья для Натали. Расходы семьи давным-давно превысили доходы поэта. Он метался в поисках денег, но гонорары давались огромным трудом. Плохое настроение не способствовало творчеству. К тому же начатое Пушкиным издание журнала «Современник» не принесло ожидаемой прибыли. На последнем собственном автопортрете сбоку – столбец цифр: денежные подсчеты не давали ему покоя. Пушкин вынужден был признаться шефу жандармов Бенкендорфу, что совершенно не умеет писать ради денег, и одна только мысль об этом приводит его в отчаянье...

Финансово ему помогли тогда друзья – супруги Вяземские и Александра Осиповна Россет-Смирнова. Полное камер-юнкерское обмундирование, включая шляпу с плюмажем, они преподнесли Пушкину в дар. До роковой дуэли оставалось ровно 500 дней...

После гибели поэта Наталья Николаевна отдаст Вяземским простреленный сюртук мужа и белую перчатку – вторую перчатку положат в гроб. Так положено для дуэлянтов. Во время похорон поэта камер-юнкерская шляпа лежала на крышке гроба. А после осталась на память у его слуги Никиты Козлова. Потом, сменив несколько владельцев, она обнаружилась в шкафу полуразграбленного после Октябрьской революции имения помещицы Софьи Салтыковой, бывшей баронессы.

В конце 1936 года, к 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина, вожь всех времен и народов Сталин приказал собрать в одном месте реликвии, оставшиеся от поэта. Бросились искать всё, что уцелело, в том числе камер-юнкерскую шляпу. И, что самое интересное, – её нашли. Она обнаружилась в глухой деревне. Придворную шляпу поэта, уже без плюмажных перьев и золотой короны, донашивал местный пастух...

Софья Салтыкова

Сейчас даже сложно себе представить, что во времена Пушкина мужчин в России было вдвое больше, чем женщин. И войны шли частые, поубивало много блестящих дворян-офицеров, а все равно девицы не беспокоились за свое будущее. Оно для великосветских невест было одинаковым: в 16–18 лет с помощью маменьки-папеньки «составить хорошую партию», и пусть муж намного старше, зато богат. Дети пойдут – это тоже понятно. Зато замужней даме предоставляется адюльтерная свобода, можно влюбляться, свет на такие вещи смотрит спокойно, если всё в рамках приличия, без семейных скандалов.

В душе каждой молодой особы в те времена жила уверенность, что у мужчин век короток, и самой судьбой предначертано второй раз сходить замуж. У всех примерно так. Статистика – упрямая вещь: на каждую женщину приходится по два мужчины, и это только в среднем.

Из пушкинского окружения известен, пожалуй, только один случай, когда вдова отказалась выйти за другого, сохранив верность мужу на всю жизнь. Когда не стало П. В. Нащокина, доброго и веселого приятеля Пушкина, отставной генерал К. К. Данзас, что был в 1837-м секундантом поэта, посватался к Вере Александровне. Но вдова Павла Воиновича мягко сказала ему: «Если вы действительно любите меня, то верно поймёте, что настоящая любовь – единственна и вечна».

О, какие были времена! О, какие разные нравы...

Барышню, о которой пойдет ниже речь, звали Софья Михайловна Салтыкова. Она была единственной дочерью весьма богатого московского помещика, и к началу этой истории (лето 1823-го) шел ей 18-й год. Была неплохо образована и воспитана, в мере красива и не в меру кокетлива. Проводила дни своего девичества не на балах в столице, а в деревне, сосланная подальше от соблазнов и греха в отцовскую усадьбу, где скучала, мечтая о женихах и ведя переписку со своей подружкой – такой же барышней на выданье.

Благодаря только этим письмам, сохранившимся у подружки, мы и сможем узнать, как легко и просто распорядилась Софья Салтыкова жизнью и судьбой двух мужчин, «предназначенных» ей статистикой. Свой же семейный архив, включая переписку мужа с Александром Сергеевичем, она «за ненадобностью» уничтожила, не переживая и не задумываясь.

Одна только шляпа камер-юнкера А.С. Пушкина случайно сохранилась – и то слава Богу...

Петр Каховский

Петр Каховский (кстати, близкий родственник Аннет Олениной, к которой в 1829 году сватался Пушкин) военную службу начал юнкером в лейб-гвардии Егерском полку. Был разжалован в рядовые за «шум, разные неблагопристойности и неплатеж денег» Короче, проигрался. Сослан рядовым на Кавказ, через год уже корнет, а вскоре произведен за храбрость в поручики. Уволен в отставку по болезни, лечился за границей, вернулся в родовое имение, «выморочное и убыточное». Оказался соседом Сонечки Салтыковой. Но, конечно, он никак не мог «составить хорошую партию» далеко не бедной барышне.

Однако этот нищий сосед Салтыковых обладал пылкой душой – и любовь его вспыхнула неземным пламенем. Сонечка поначалу с ним играла со скуки, завлекая своего кавалера в извечные тенета женского коварства. Но постепенно и сама вдруг увлеклась, вдохновленная пылом стремительно разворачивающегося романа.

Ах, какие письма он пишет! Как откровенно говорит о своей страсти – именно такие горячие и такие бесстыдные слова ей так хотелось читать и перечитывать душевными ночами, зная, что у калитки стоит Он! И как хорошо, что можно отвечать коротко, ничего не обещая и лишь намекая, что ей приятны его чувства, но только пусть не думает, что...

Не прошло и недели, как она согласилась на тайное свидание. И вот уже Софья Салтыкова пишет подруге: «Сколько ума, сколько воображения в этом молодом человеке! Сколько чувства, величия души, какая правдивость! Сердце его чисто, как кристалл. Я чувствую, что полюбила его всей душой!»

Конечно, о браке не могло быть и речи – родители её были бы категорически против. Молодые люди дошли уже до того, что Софья Михайловна согласилась бежать из отцовского дома и обвенчаться тайно. Но – в последний момент барышня все-таки передумала, и влюбленный Петр Каховский напрасно прождал свою Сонечку.

А вскоре после этого родители быстренько увезли её в Москву. Вслед полетело письмо несостоявшегося жениха:

«Жестоко! Вы желаете мне счастья – где оно без вас? Вам легче убить меня – я не живу ни минуты, если вы мне откажете. Я не умею найти слов уговорить вас, прошу, умоляю, решитесь! Чем хотите вы заплатить мне за любовь мою? Простите, я вас упрекаю; заклиная вас, решитесь, или отвечайте – и нет меня! Одно из двух: или смерть, или я счастлив вами; но пережить я не умею. Ради бога, отвечайте, не мучьте меня, мне легче умереть, чем жить для страдания. Ах! Того ли я ожидал? Не будете отвечать сего дня, я не живу завтра – но ваш я буду и за гробом».

Однако в тот момент Каховский не умер – вскоре он тоже уехал: сначала за границу, залечивать раны сердца, а где-то через год поселился в Петербурге. Осенью 1825-го с подачи Рылеева стал членом Северного тайного общества. Одиноким, бедным, неприкаянным, разочаровавшимся в жизни, он как никто другой подходил на роль царевубийцы, а Рылееву нужен был человек, которым можно пожертвовать ради победы восстания.

Выстрел Каховского смертельно ранил столичного генерал-губернатора Милорадовича, боевого генерала, отличавшегося бесстрашием и любовью к простым солдатам. Кстати, стрелял он градоначальнику в спину – за это и сегодня Каховскому никто бы руки не подал до конца жизни.

Милорадовича еще успели довести до госпиталя. Превозмогая боль, он попросил врачей показать извлеченную из-под сердца пулю. Увидев, что она выпущена из пистолета, воскликнул: «Слава Богу! Это не солдатская! Я знал, что солдаты не станут в меня стрелять. Теперь я совершенно счастлив!» С этими словами и умер.

Петра арестовали в тот же вечер. Интересный факт. Считается, что на допросах Каховский «вёл себя дерзко, откровенно высказываясь о недостатках российского государственного строя». Позволю себе засомневаться. Вот его записка, подшитая к протоколам:

«Ваше превосходительство! Могло показаться подозрительным, что я просил себе несколько часов свободы. Желание быть полезным – единственная тому причина. Очень жалею, что забыл в прошлый раз доложить вам: 14-го числа к вечеру был у Рылеева один молодой человек (с которым я знаком, но имя его поистине не помню); он делал ему препоручения отправиться на юг, как мне кажется с тем, чтобы сделать там восстание. Прося несколько часов свободы, я хотел быть у жены Рылеева, чтобы от нее по приметам узнать имя и где живет упомянутый молодой человек...»

На полях записки – как раз напротив того места, где несостоявшийся царевич говорит, что знаком с ещё одним не арестованным пока молодым человеком, – есть резолюция: «Приказать взять».

Короче, предал Каховский своих вчерашних друзей... Потом он, правда, будет говорить уже другое:

«В показаниях я невольно увлекся и стал вдвойне преступник. Ради бога, делайте со мной что хотите и не спрашивайте меня ни о чем. Я во всем виноват, так ли было говорено, иначе ли, но мое намерение и согласие было на истребление царствующей фамилии».

Казнен он был 25 июля 1826 года в числе других руководителей декабрьского восстания.

А что Сонечка Салтыкова? Вот отрывок из письма, посланного подруге вскоре после разрыва с Каховским: «Поверишь ли? – я сама не узнаю себя. Я не безразлично отношусь к Пьеру. Я перечитываю его письма, я повторяю в уме все, что он говорил, все обстоятельства, все подробности моих приключений. Я думаю, что даже если забуду Пьера, то никогда никого не полюблю!»

Однако она плохо знала себя. Незадолго до восстания 14-го декабря 1825 года Софья Салтыкова вышла замуж. Муж ей достался замечательный – во всяком случае, оставивший заметный след в русской литературе и истории. Богатством особым он также не мог похвастать, но девицу и ее родителей очень привлек баронский титул жениха. Антон Антонович Дельвиг, поэт и одноклассник Пушкина по Царскосельскому лицезу, показался им «хорошей партией».

Антон Дельвиг

Из письма Сонечки Салтыковой своей подруги: «Я очень хотела бы познакомиться с Дельвигом, потому что он поэт, потому что связан с Пушкиным, с которым вместе был воспитан, и потому что он – друг г-на Плетнева. И я надеюсь, что это желание вскоре исполнится».

А еще чуть позже пишет подруге: «Дельвиг – очаровательный молодой человек, очень скромный, не отличающийся красотой. Что мне нравится, так это то, что он носит очки».

Насчет очков и сам Антон Антонович иронизировал: «В лицее мне запрещали носить очки, зато все женщины казались прекрасными – как же я разочаровался в них после выпуска».

Новый роман Софьи Салтыковой развивался быстро, и уже через две недели она пишет подруге: «Мы с Дельвигом очень коротко познакомились. Но я питаю только дружбу к нему. Уверяют, что у него ко мне больше, чем дружба».

А еще через две недели она спешит похвастать: «Я уверена, что ты менее всего ожидаешь той новости, которую я тебе сообщу: я выхожу замуж – и притом за барона Дельвига. Как ты это находишь? Это не та пылкая страсть, которую я питала к Каховскому, но это чистая привязанность, спокойная. Как только я выйду замуж, папа будет искать для себя другую квартиру и письма не дойдут до меня, а потому пиши на этот адрес: “Ее Высокобл. М.Г. Баронессе Соф. Мих. Дельвиг – в Большой Миллионной, в доме г-жи Эбелинг”».

Свадьба Дельвига и Софьи Михайловны состоялась 30 октября 1825 года. Пушкин пишет своему лицейскому другу: «Обнимаю и поздравляю тебя – рекомандуй меня баронессе Дельвиг».

Пройдет не так много времени, Александр Сергеевич познакомится с ней лично, и об этом она немедленно сообщит далекой подруге: «Климат Петербурга для меня вовсе не подходит. Я бы очень хотела покинуть нашу скучную столицу... Кстати о Пушкине: я познакомилась с Александром, – он приехал вчера, и мы провели с ним день у его родителей. Сегодня вечером мы ожидаем его к себе – он будет читать свою трагедию «Борис Годунов». Что он умен, это мы знаем уже издавна, но я не знаю, любезен ли он в обществе, – вчера он был довольно скучен и ничего особенного не сказал; только читал отрывок из V главы Онегина».

Сонечке Салтыковой безумно понравилось общество, в которое ввел ее муж, – известные писатели, поэты, музыканты, историки. Все эти молодые и талантливые мужчины казались ей не просто друзьями мужа – она мило улыбалась и кокетничала с ними, приглашая в свой дом. Дела и интересы мужа для нее ничего не значили. Хотя она с удовольствием пела романсы на его стихи и порой даже садилась помогать ему в издательских делах.

Одной из новых подруг «ее высокоблагородия милостиво государыни» баронессы Дельвиг стала Анна Петровна Керн. Та быстренько научила Софью многим несерьезным вещам. Ах, с каким заливистым смехом они, пользуясь отсутствием Дельвига, правили стихотворения Пушкина, уже подготовленные для печати. Ах, как весело заменять в стихах поэта слова, нарочито ломая их ритм и смысл! И как интересно любезничать с его друзьями!..

По Петербургу всю ходили слухи о многочисленных изменах Софьи Михайловны. Говорят, что она была любовницей едва ли не всего литературного бомонда того времени – в том числе Адама Мицкевича, Панаева, Вульфа и многих других.

«Я познакомился в эти дни с Софьей Михайловной Дельвиг, – пишет в «Дневнике» Алексей Вульф, – молодой, очень миленькой женщиной лет двадцати. С первого дня нашего знакомства показывала она мне очень явно свою благосклонность. Рассудив, что, по дружбе ее с Анной Петровной и по разным слухам, она не должна быть весьма строгих правил, что связь с женщиной гораздо выгоднее, нежели с девушкой, решил я ее предпочесть, тем более что, не начав с нею пустыми нежностями, я должен был надеяться скоро дойти до сущного. Я не ошибся в моем расчете... Софья совершенно предалась своей временной страсти и, почти

забывая приличия, давала волю своим чувствам, которыми никогда, к несчастью, не училась она управлять. Мы не упускали ни одной удобной минуты для наслаждения – с женщиной труден только первый шаг, а потом она сама почти предупреждает роскошное воображение, всегда жаждущее нового сладострастия».

Вот уж поистине: когда кот идет налево, он песнь заводит.

«Баронессе не говорю ничего – однако ж целую ручку, но весьма чопорно», – пишет Пушкин Дельвигу в середине ноября 1828-го. Он знал всё про жену друга. Дельвиг не знал ничего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.